

Ответы директора Канцелярии Главы Российской Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны и кандидата исторических наук, доцента Александра Николаевича Закатова на вопросы редактора православной газеты «Благовест» А.Е. Жоголева

России чёрный год

– История не имеет сослагательного наклонения. И тем не менее, чего больше в революционных событиях 1917 года, трагической случайности или исторической обусловленности? Мы, как верующие люди, случайности, конечно

15 (2) марта 1917 года, в день вынужденного отречения святого Царя Николая II от престола, в подмосковном селе Коломенском явилась чудотворная икона Божией Матери Державная. Сама Царица Небесная дала знамение того, что теперь Она будет править Россией...

же, не допускаем. Под ней я имею в виду человеческий фактор, то есть не железные законы истории – экономической, социальной, военной и т. д., а поведение и настроение людей.

– В том, КАК началась и развивалась революция, конечно, было много случайного. Но сама революция, увы, являлась закономерной. Такие грандиозные события никак не могут становиться результатом частных недоразумений, отдельных ошибок и чьих-то личных слабостей. Они имеют тысячи явных и скрытых причин, тянущихся из глубин истории, запутанных и связанных в сложнейшие узлы.

Законы исторического развития существуют, но их действие можно сравнить с химической реакцией веществ, значительная часть которых неизвестна, не выявлена, не изучена. И даже то, что нам кажется понятным, порождает различные реакции, в зависимости от пропорций и последовательности соединения. Каждый из факторов – политический, социальный, экономический, военный – по отдельности не является столь уж «железным». Многое зависит от сочетания этих факторов и, самое главное, как вы правильно отметили, от отношения к ним людей.

Жизнь в Российской Империи накануне революции отнюдь нельзя назвать какой-то невыносимой. Да, наряду с успехами царствования святого Императора Николая II (увеличением в полтора раза численности населения, бурными темпами роста экономики, одним из самых прогрессивных в мире рабочим законодательством) были серьёзные проблемы, усложнённые Первой мировой войной. Но они могли решаться (и постепенно решались) эволюционным путём.

Чтобы развивать промышленность и торговлю, чтобы устранить пережитки социальной несправедливости, уменьшить расслоение общества на богатых и бедных, чтобы модернизировать государственное управление и законодательство, совершенно не обязательно было свергать монархию, умерщвлять друг друга в Гражданской войне, устраивать всеобщую разруху, подвергать жестоким гонениям Церковь и веру в Бога как таковую, зверски расправляться с Императорской семьёй и проводить массовые репрессии против всех без исключения сословий, взрывать храмы и варвар-

ски уничтожить историко-культурное наследие, полностью ликвидировать частную собственность и безжалостно разрушать весь крестьянский уклад жизни.

Но дело в том, что **главной причиной революции стали не политические, социальные и экономические проблемы, а глубочайший духовный кризис.** Кризис не только монархии как государственного строя, но и религии, и семьи, и всех традиционных устоев. Возникло и окрепло болезненное нетерпение, стремление всё разрушить до основания без видения перспектив создания нового. Имело место какое-то коллективное безумие, когда люди в большинстве своём решили, что стоит им вырубить сад и сжечь дом, которые бережно взращивались и строились десятками поколений предков, – и откуда-то возьмутся райские кущи и светлый дворец. Причём одна часть народа видела сей «земной рай» вообще без Бога, а другая почему-то решила, что Господь пошлёт все блага людям, поправшим обет верности, данный перед Ним.

Указать какую-то «точку невозврата», когда этот кризис стал необратимым, невозможно. Мнения есть разные. Кто-то говорит о невозможности крестьянской реформы 1861 года, кто-то о предоставлении дворянству непомерных привилегий при Петре III и Екатерине II, кто-то об упразднении Патриаршества Петром I, кто-то о церковном расколе XVII века. Конечно, во всех многовековых исторических векторах присутствовали какие-то элементы, сыгравшие роль в революции. Но пытаться назвать конкретную дату (или даже эпоху), породившую Смуту XX века, конечно, неправильно.

Революционные настроения подобны раковым клеткам. Они есть в организме всех народов, как и собственно раковые клетки в организме каждого человека. До поры до времени они неопасны, или, по крайней мере, мало опасны. Но наступает момент, когда совокупность каких-то условий и обстоятельств вызывает их размножение, они разрастаются в опухоль, а потом расходятся по всему организму, поражая его метастазами.

Так случилось в 1917 году. Разрушительные силы пришли в движение и повлекли цепную реакцию, приведшую к катастрофе тысячелетней Всероссийской цивилизации и всей системы её ценностей.

Мифы революции

– Александр Николаевич, вы как историк занимаетесь 1917 годом. И хорошо знаете, как много мифов, далёких от реальности, бытует в общественном сознании. Какие из «мифов 1917 года», по вашему мнению, наиболее опасны и сильнее всего затрудняют постижение тех событий?

– Мифов много, и они, к сожалению, растут как снежный ком. Притом есть мифы, которые как-то укладываются в логику исторической действительности, лишь слегка что-то приукрашивая или, наоборот, представляя в непривлекательном виде.

А есть совершенно дикие и фантастические мифы, явно противоречащие фактам, проникнутые нездоровой конспирологией, не имеющие никакой реальной доказательной базы.

Один из главных ложных мифов, на мой взгляд, касается понимания самого термина «революция».

И в общественном сознании, и в политической агитации, и в толковых словарях, и в научных трудах даётся определение революции как «резкого, скачкообразного структурного и качественного изменения, переворота прогрессивного характера, для которого характерен открытый разрыв с предыдущим устаревшим и неэффективным состоянием». И отсюда делается вывод, что, дескать, хоть и много жестокого и страшного в «Великой Русской революции», но ничего не поделаешь, ради прогресса, ради слома «отжившего и прогнившего» всё это оправданно, полезно и справедливо.

Однако достаточно открыть латинско-русский или этимологический словарь, чтобы уяснить, что слово *revolution* означает не просто «переворот», а «откатывание назад». В греческом языке синонимом латинского слова «революция» является слово «катастрофа» – буквально «поворот вниз».

Вывод напрашивается сам собой. **Революция – это катастрофа. Она замедляет прогресс, даже в чисто материальном смысле.**

Ну а если говорить о нематериальной стороне жизни, то мы наблюдаем явный и резкий регресс, подрыв основ духовности и морали.

Революция – это болезнь нации. Пусть и неизбежная, но нуждающаяся в исцелении, а не в оправдании и, тем более, не в прославлении.

Мне могут возразить: а как же революционный пафос, самопожертвование и героизм под лозунгами «Нового Мира» и «Светлого Будущего»?

Что ж, люди всегда остаются людьми. Они, как бы их ни обманывали и ни увлекали в пропасти и тупики, продолжают верить, любить, защищать Родину, трудиться, творить. Никаким богоборцам и ниспровергателям не под силу вытравить образ и подобие Божие из человека. Революция паразитирует на свойственных человеческой природе чувствах и на порождённых традиционным нравственным развитием представлениях о чести, верности, долге. Но сама революция как явление разрушительное начисто лишена источников этих чувств и качеств. Поэтому в минуту опасности она вынуждена прикрывать свою истинную идеологию и обращаться к традиционным ценностям. А как только опасность проходит, возвращается к борьбе с этими ценностями с удвоенной энергией.

Ещё один опасный миф существует в двух вариантах: коммунистическом и либеральном. Но оба варианта можно назвать «мифом о двух революциях 1917 года».

Только в коммунистической версии «Февральская буржуазная революция» – это какой-то ущербный переворот в среде эксплуататоров, недоделанная жалкая ступенька на пути к «Великому Октябрю».

А в либеральной интерпретации «Великая безкровная Февральская революция» сулила всеобщее счастье, а потом в октябре пришёл Ленин со своими большевиками и всё испортил.

Таким образом, и некоммунисты, и либералы, несмотря на их внешний антагонизм, совместно загоняют наш народ в идеологический капкан, где есть выбор лишь между «плохой» и «хорошей» революцией. Оценить революцию с точки зрения всей более чем тысячелетней истории России в этой западне практически невозможно.

На самом деле **революция 1917 года была единым катастрофическим процессом, а Февраль и Октябрь – его закономерными взаимосвязанными стадиями.**

Причём всё наиболее отвратительное, что несёт в себе любая революция, породил именно Февраль – «измену, трусость и обман» (как записал в своём дневнике святой Царь-Мученик Николай Александрович) и, добавив, террор и беззаконие. Ибо убийства и прочие безсудные и незаконные расправы начались не в октябре, а в феврале 1917 года. Достаточно вспомнить истребление многих офицеров и полицейских (нередко вместе с их семьями), арест Императорской семьи без предъявления обвинения (в том числе лишение свободы Великих Княжон и 12-летнего Цесаревича, которым даже формальных обвинений предъявить было невозможно), издевательства над престарелыми государственными деятелями и генералами...

Третий миф, который я бы выделил, – это выдумки из области «альтернативной истории», изображающие, какая замечательная жизнь могла бы быть в России, если бы в Гражданской войне победили белые.

Идеализация Белого движения совершенно неправомерна.

Конечно, масштабы «белого террора», что бы ни говорили любители меряться количеством оставленных за спиной трупов, значительно уступают масштабам «красного террора».

И, в отличие от красных, белые относились к террору как к ненормальной вынужденной мере, порождённой трагическими обстоятельствами Гражданской войны, а не как к государственной политике, официально узаконенной правительственным декретом. Также белым не было присуще богоборчество, открыто провозглашённое и деятельно осуществлявшееся большевиками.

Но тем не менее победу белых (если допустить, что у них был шанс) следует рассматривать лишь как меньшее зло.

Дело в том, что Белое движение было тоже как сквозь революционным. Оно вдохновлялось химерой «Великого Февраля». Его вождями оказались клятвопреступники, изменившие присяге Царю. Вера в Бога для многих из них стала отвлечённым понятием. Народу их идеи были чужды, а они, в свою очередь, не понимали чаяний народа. Поэтому в случае, если бы белым удалось одержать победу, либо страна вновь скатилась бы в хаос и стала жертвой иностранных хищников, либо им тоже пришлось бы управлять террористическими методами. Какой бы политический режим и какую государственную идеологию всё это породило, сказать в точности невозможно. Но совершенно ясно, что никакого мира и благоденствия победа революции под белыми знамёнами тоже не сулила.

Как ни прискорбно, обрушение цивилизационных основ сделало для России страшное испытание XX века неизбежным.

Святой Царь и клеветники

Существует и серия мифов, преследующих цель создания в общественном сознании негативного образа Дома Романовых.

Царственная династия являлась краеугольным

камнем исторической государственности России с момента её основания в 862 году.

Призвание на царство в 1613 году законных наследственных преемников угасшего Дома Рюриковичей в лице Михаила Фёдоровича Романова и его потомков «в роды и роды» стало вершиной всенародной борьбы за свободу и символом победы над Смутой.

Царь Николай II в день отречения от престола. Поезд прибыл на станцию Дно.

Отстранение Романовых от власти в 1917 году, напротив, проложило путь к хаосу, а затем к братоубийству, богоборчеству, тоталитаризму и репрессиям. Неудивительно, что и сами революционеры всех мастей, и их идейные наследники в наше время вкладывают колоссальные силы и средства в дискредитацию Императорского Дома.

Сразу оговорюсь, что ни сама Императорская семья, ни верные ей люди не считают историю династии Романовых какой-то «священной коровой», о которой можно повествовать только в елейном и сусальном стиле. Глава Российского Императорского Дома Великая Княгиня Мария Владимировна постоянно говорит, что наряду с заслугами и достижениями у Романовых было много ошибок и грехов и им есть в чём каяться. Ни один нормальный монархист не станет возражать против честного критического разбора каких бы то ни было деяний Государей.

Но одно дело – честная критика, пусть и достаточно жёсткая, а другое – безсовестная клевета в стиле главного принципа геббельсовской пропаганды: «Чем нелепее и чудовищнее ложь, тем легче в неё поверят».

Первоочередными мишенями для подобного рода пропаганды являются святой Император Николай II и, естественно, все Главы Дома Романовых в изгнании, начиная с Государя Кирилла Владимировича.

О Царе-Мученике в своё время был создан миф как о кровавом и одновременно слабым и безвольным правителем, находившемся под каблуком у своей супруги и бывшем марионеткой в руках Григория Распутина и прочих «тёмных сил».

Противоречивость, мягко говоря, этого обра-

за ничуть не смущая мифотворцев. Именно так: и кровавый, и слабый. И народ мучил и терзал ради господства эксплуататоров, и потом верховную власть этим эксплуататорам «как эскадрон сдал».

Правда, думающие люди не удовлетворялись такими констатациями, начинали размышлять и даже в потоке лжи находили крупницы правды, которые показывали Государя совсем иным человеком – глубоко верующим, любящим Родину, страдающим, самоотверженным. А если и ошибающимся в чём-то или в ком-то, то не из-за жестокости, безволия, лукавства или равнодушия, а чаще всего в силу врождённого благородства. Многие для реабилитации образа святого Царя Николая II в общественном сознании сделал прекрасный русский писатель Владимир Солоухин.

Канонизация святых Царственных Мучеников Русской Зарубежной Церковью в 1981 году, а затем их общецерковное прославление на Архиерейском Соборе 2000 года в чине Страстотерпцев для многих стали моментом Истины, избавили от последних сомнений.

Но ныне опять зазвучали злобные голоса, и некоторые хулители в своей ненависти стремятся превзойти даже большевицких агитаторов. Кроме того, расцветает пышным цветом и такая тенденция – поносить Николая II с внешне консервативных позиций. Дескать, он слабак и преступник, главный виновник революции, бросил народ на произвол судьбы. А нужно было держать власть железной рукой и всё утопить в крови.

Но Николай II тогда перестал бы быть Николаем II, а стал бы, условно говоря, Лениным, Троцким, Сталиным... А он не мог ими стать по определению, по природе.

Чтобы было понятнее: при Императорах казнили открытых врагов государства, взявших в руки оружие, подвергали репрессиям радикальных инакомыслящих. Однако ни один Император ни при каких обстоятельствах не мог ни сам отдать приказ, ни даже просто допустить, чтобы, например, за вину Александра Ульянова расстреляли всю семью Ульяновых, включая женщин, детей и прислугу. Видимо, с точки зрения «правых» критиков Николая II, он должен был действовать подобными методами, и проблема революции была бы решена. Поверьте – не была бы!

Это, хочется надеяться, понятно большинству. Верующим людям точно должно быть понятно.

Но для тех, кто почитает Императора Николая II как святого или хотя бы с уважением относится к его памяти, заготовлен ещё один разветвлённый миф. Этот миф призван направить почитание святых Царственных Страстотерпцев по пути «украшательства гробов». В рамках такого мифотворчества Николай II и его семья – это некие безплотные существа, безгрешные и безошибочные, а вокруг них отвратительные выродившиеся родственники, все как один не понимающие их ни в чём и только норовящие им навредить. Поэтому якобы в лице святых Царственных Страстотерпцев Дом Романовых просиял на последний раз, а после их убийства с дидактией покончено раз и навсегда.

То есть здесь наблюдается типичное «украшательство гробов» при остервенелых попытках умерщвления подлинной идеи Православной Мо-

нархии и добывания институции, эту идею воплощающей.

Для мифотворцев такого направления сугубо ненавистной является живая старшая линия Дома Романовых, унаследовавшая по закону права и обязанности хранителей исторической преемственности.

Он поднял упавшее знамя...

Я не стану разбирать все выдумки, а останюсь лишь на пресловутом «красном банте» Великого Князя Кирилла Владимировича – первого Главы Дома Романовых в изгнании.

Сначала исторические факты. На момент революции Кирилл Владимирович в чине контр-адмирала командовал Гвардейским Экипажем, то есть элитной морской частью. Когда после отъезда Николая II в Ставку начались волнения в Петрограде, Кирилл Владимирович, находившийся в городе, сперва предпринимал шаги, чтобы их прекратить силовым путём. Он встретился с петроградским градоначальником А.П. Балком, военным министром генералом М.А. Беляевым, командующим Петроградским военным округом генералом С.С. Хабаловым, убеждал их действовать активно, предлагал использовать Гвардейский Экипаж, ещё сохранявший готовность подчиняться приказам. Но впадение в растерянность руководителя оказались неспособными к совместным действиям, уклонялись от ответов, ссылались на какие-то формальные причины.

Император в изгнании Кирилл I

Восстание тем временем разрасталось, к нему начали присоединяться солдаты, ожидавшие отправки на фронт. В то же время образовавшийся «Временный комитет членов Государственной Думы» провозгласил своей целью «водворение порядка в столице» и «сношение с лицами и учрежде-

ниями». 28 февраля Комитет выпустил воззвание, в котором говорилось о «незыблемости монархического начала» и приглашались «командиры воинских частей для получения приказаний о поддержании порядка».

Все знали, что в думском Комитете в основном оппозиционеры. Но в то же время этот Комитет на тот момент являлся единственным действующим учреждением, имеющим хоть какой-то статус (заседания IV Думы были приостановлены до апреля, но распущена она не была и продолжала оставаться законным государственным учреждением). Исходя из реально сложившейся ситуации, Кирилл Владимирович принял решение попытаться достичь умиротворения не способом прямого подавления беспорядков (невозможность которого стала очевидной), а путём компромисса и частичных уступок умеренной оппозиции.

Великий Князь Кирилл Владимирович вместе с дядей Великим Князем Павлом Александровичем при участии юриста и адвоката Н.И. Иванова составили проект Манифеста, который они собирались предложить на подписание Императору Николаю II по его прибытии в Петроград. Проект также получил одобрение родного брата Государя Великого Князя Михаила Александровича. В этом документе шла речь о предоставлении Государственной Думе права сформировать Временный кабинет для созыва Законодательного Собрания, которому предстояло совместно с Императором разработать проект новых Основных законов Российской Империи.

Из переписки Кирилла Владимировича и Павла Александровича явствует, что всё, что они делали, имело целью «всячески, всеми способами сохранить Ники (то есть Николая II) на престоле».

Исходя из этого плана, Кирилл Владимирович 1 марта привёл Гвардейский Экипаж в Таврический дворец, где заседал Комитет членов Государственной Думы, и затем призвал командиров воинских частей последовать его примеру. Он надеялся, что таким образом удастся прекратить анархию и можно будет поддерживать порядок в столице до прибытия Государя.

Сейчас мы знаем, что думцы совместно с изменившимися присяге генералами изначально готовили государственный переворот, «смену шофёра на ходу». Изолировав Императора, они добились его отречения. Но 1 марта Кирилл Владимирович и Павел Александрович этого знать не могли. Как писал уже 2 марта Павел Кириллу: «Если Ники подпишет манифест, нами утверждённый, о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства». То есть в Комитете членов Думы они видели не заговорщиков, а конструктивных оппонентов, с которыми можно вести честный диалог.

Если сопоставить все эти факты, становится совершенно ясно: Кирилла Владимировича и Павла Александровича можно упрекать в наивности и политической недалёковидности, можно фантазировать на тему, как они должны были «броситься на амбразуру» и погибнуть вдвоём или поодиночке, можно разбирать те или иные их действительные тактические ошибки и даже укорять в том, что они допускали мысль об ограничении царской власти. Но обвинять их в предательстве, в измене присяге

вопиющим образом несправедливо. Исходя из своего понимания обстановки, они честно принимали меры для сохранения монархии как государственного строя и Императора Николая II на престоле как законного Государя.

Когда до Петрограда дошла весть об отречении, для многих современников, не знавших подробностей плана Великих Князей, не имевших возможности ознакомиться с проектом Манифеста и их перепиской, приход Кирилла Владимировича в Таврический дворец действительно мог показаться поддержкой революции. Но заметьте, даже тогда ни в прессе, ни в дневниковых записях, хоть хвалебных, хоть осуждающих, нет никакого «красного банта». Констатируется факт прихода Гвардейского Экипажа в Думу. В газетах приводятся в пересказе слова Кирилла Владимировича, обращенные к М.В. Родзянко, в которых нет ничего революционного. Учитывая, что после встречи с председателем Государственной Думы Великий Князь провёл некоторое время в комнате журналистов, аккредитованных в Таврическом дворце, если бы на его мундире был красный бант и если бы он и вправду поддерживал переворот, то это, вне всякого сомнения, было бы красочно расписано во всех подробностях и немедленно растиражировано в тот же день.

Но вплоть до того момента, когда стало известно, что Кирилл Владимирович не погиб в революционном смерче и, будучи старшим из выживших Романовых, готов к активной деятельности, особенно внимания эпизод 1 марта не привлекла. Если Кирилла и вспоминали, то скорее в связи с его попытками «задушить революцию». Об этом, например, писал поэт А.А. Блок в книге «Последние дни старого режима».

Однако как только выяснилось, что Кирилл Владимирович жив, что он ясно понимает свой долг, что не намерен становиться чьей-либо марионеткой, что у него есть своя позиция – против него ополчились самые разношёрстные силы. Это были и революционеры, которых не устраивала сама по себе монархия и всё, что с ней связано, и многие люди, считавшие себя монархистами, но не понимавшие главного принципа монархии – служения. И для тех, и для других наличие живого законного Государя представлялось по меньшей мере неудобством. И они приступили к его дискредитации.

Оспаривание юридических прав Кирилла и копание в давних семейных недоразумениях, полностью преодоленных за 10 лет до революции, использовалось (и по сей день используется) часто. Но даже открытые противники в минуту откровенности признавали, что эти «аргументы» высосаны из пальца. Даже кадет, масон и ярый враг монархии В.А. Маклаков, относившийся к Кириллу Владимировичу с нескрываемым раздражением, злорадующий по поводу любых его неудач, ещё до официального принятия Государем титула Императора в изгнании писал в мае 1924 года своему единомышленнику Б.А. Бахметеву: *«Конечно, самими разными юридическими крючками можно было бы доказывать, что он не имеет права на престол; но всё это не только крючки, но, скажу Вам как адвокат, и неубедительно. Кирилл действительно с точки зрения легитимизма есть уже российский император».*

А вот возможность двусмысленно трактовать вод Кирилла в Думу 1 марта 1917 года дали пищу для чёрного мифа, оказывающего эмоциональное воздействие более сильное, чем «юридические крючки». Начали с придания этому событию характера проявления нелояльности Императору. Ещё без «банта». Просто – раз привёл Экипаж в Думу, значит, поддержал думцев. А раз думцы оказались против Императора, значит, предал Императора. «Логика» топорная, примитивная, ничего на самом деле не объясняющая, но легко усваиваемая.

Потом то тут, то там для красного словца начала появляться эта пикантная подробность: «Не просто пришёл, а ещё и красный бант надел». То есть если кто-то сомневается в плохих намерениях – вот вам доказательство измены! И неважно, что в источниках, современных событию, нет никаких бантов. Неважно, что практически ни один из тех, кто в 1920-е годы начал писать о «красном банте», не присутствовал во время появления Гвардейского Экипажа в Думе. Неважно, что ряд очевидцев этого события самых разных убеждений (а вовсе не только легитимисты) засвидетельствовали, что никаких бантов не было не только на Великом Князе, но и на чинах Экипажа. Но эта клеветническая выдумка нужна для закрепления мифа об «измене». Капля камень точит. Постепенно «красный бант» прочно «прилип» к мундиру Кирилла Владимировича, превратился из придуманной постфактум сплетни в «общезвестный факт».

Потом «красный бант» вырос до размеров красного флага, якобы чуть ли не собственноручно водружённого Великим Князем над крышей его «дворца» (на самом деле у Кирилла Владимировича в Петрограде был дом, для лиц его уровня довольно скромный). И дальше уже можно было ни в чём себя не ограничивать. Когда читаешь пасквили, направленные против первого Императора в изгнании, невольно ловишь себя на мысли, что ещё чуть-чуть – и дойдём до описания того, как Кирилл Владимирович организовывал расстрел Царской Семьи...

Правда, уже давно опубликованы исторические источники, в том числе «Манифест Великих Князей» и переписка Кирилла Владимировича и Павла Александровича. Но ослеплённые (или сознательно лгущие) люди продолжают упорно повторять клевету. Недавно один молодой доктор наук опубликовал негативную статью о Кирилле Владимировиче, в которой, попирая все мыслимые правила научной методологии и элементарной этики, умудрился **ни единым словом** не упомянуть эти документы, являющиеся основополагающими для понимания всей ситуации. А когда ему на это указали, начал беспомощно огрызаться и ссылаться то на В. Пуришкевича, то на М. Палеолога.

Ещё один историк, ознакомившись с документами и моим исследованием о февральско-мартовских событиях 1917 года, признал, что никакого банта на Кирилле, скорее всего, не было. Но, оказывается, это ничего не значит, потому что, по мнению сего историка, Великий Князь должен был прорываться в Царское Село к Императрице Александре Феодоровне. Уверяю вас, что если бы Кирилл Владимирович оказался рядом с Александрой Феодо-

ровой, этот историк написал бы, что он сказал ей не те слова. А если бы и слова были те, то – не так посмотрел, не так думал, не так чувствовал и не так дышал... Короче говоря, «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Посмотрел бы я на этих беспощадных судей и «замерщиков» любви, верности и преданности, как они бы действовали в несравнимо менее критической обстановке, чем революция.

Причём, бывает, одни и те же исследователи и публицисты, с возмущением отвергая инсинуации Палеолога, Родзянко, Пуришкевича и им подобных в отношении святых Императора и Императрицы, в отношении того же Г.Е. Распутина, вместе с тем, с трогательной доверчивостью относятся к любым гадостям, которые те же самые персонажи написали в адрес Кирилла Владимировича. Откуда же столь явные двойные стандарты? Наверное, прав А.С. Пушкин: «Живая власть для черни ненавистна, они любить умеют только мёртвых». Кирилл Владимирович поднял упавшее знамя и обезпечил его передачу живой линии преемников. Этого ему никак не могут простить как «левые», так и многие «правые». Жалко таких людей и страшно за их духовное состояние.

Разгребать кучи подобных мифов предстоит ещё очень долго. Ведь у их создателей расчёт простой: мы выплеснем ведро нечистот, а вы убирайте. Уберёте – ещё выплеснем. Но ничего не поделаешь. Если хочешь жить в чистоте, нужно постоянно вычищать мусор, даже если его набросали другие.

«Кругом измена, и трусость, и обман!»

– Отрекался ли от престола святой Стратотерпец Государь Николай Александрович? Можно ли считать его отречение законным или это был дворцовый переворот с последующей фальсификацией документа об отречении?

– Экзотическая конспирологическая теория о «подложности» отречения и, тем более, о том, что Государь вообще не отрекался, полностью взята «с потолка». Она почему-то сегодня получила широкую поддержку, хотя и противоречит всему комплексу исторических источников той эпохи. Прежде всего, противоречит дневнику святого Императора Николая II, который собственноручно записал буквально следующее: «2-го марта. Четверг. Утром пришел Русский и прочёл свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т[ак] к[ак] с ним борется соц[иал]-дем[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно моё отречение. Русский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 ч[асам] пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!» (Дневники императора Николая II. – М.: ОРБИТА, 1991. – 736 с. – С. 625.)

Из сопоставления дневниковых записей Государя, из его переписки с Государыней Александрой

Федоровной и Великим Князем Михаилом Александровичем, из официальных документов и воспоминаний непосредственных участников и очевидцев, во всей совокупности и системной взаимосвязи этих источников, мы можем достаточно полно восстановить картину событий.

Мы знаем, как зрел заговор с целью отстранения Императора от власти, что в нём было заранее подготовлено и предвидимо, а что возникло стихийно и спонтанно и чем лишь воспользовались заговорщики и революционеры.

Нам известно, как шло склонение Государя к мысли о неизбежности отречения: сначала дезинформация о положении в столице для оттягивания времени, потом блокирование царского поезда на пути в Петроград, затем безпрецедентное моральное давление со стороны командующих фронтами.

Известны этапы подготовки проекта манифеста об отречении: его редактирование в первой версии и, в конце концов, не соответствующий букве закона, но по-человечески вполне понятный порыв Императора. Чтобы избавить своего несовершеннолетнего и большого сына от превращения в ширму для безчестных политиканов, Государь пожелал передать престол через голову Цесаревича следующему в порядке престолонаследия Великому Князю Михаилу Александровичу, своему родному брату.

Даже мельчайшие нюансы известны, вплоть до того, что в последний момент св. Николай II заменил нелепое в соответствующем контексте манифеста выражение «всенародную присягу» на словосочетание «ненарушимую присягу», что было правильнее по смыслу.

Поэтому когда кто-то пытается доказать, что «отречения не было», потому что оно напечатано на пишущей машинке и подписано карандашом не того цвета, не может возникнуть иной мысли, что данное лицо просто хочет спекулировать на трагической теме и на чувствах людей, чтобы привлечь внимание к своей особе.

Если же вернуться к правовой стороне дела, то мы можем сказать следующее.

Отречение царствующего Императора не было регламентировано законом, но и не противоречило Основным законам Российской Империи. Когда-то и отречение от гипотетических будущих прав на престол тоже не было сформулировано в законе, но затем оказалось введено в законную силу после первого прецедента (отречения от прав на престол Цесаревича Константина Павловича).

Так что неправы те, кто утверждает, что Император не мог отречься в принципе, что отречение было априори незаконным. Если бы государственная жизнь России вернулась в нормальное русло, в Основных законах появилась бы новая статья, устанавливающая порядок отречения царствующего Государя, его статус после отречения и тому подобные вещи.

Дело также не в том, что акт об отречении был подписан в условиях фактического лишения свободы, под психологическим давлением, под влиянием искажённой информации. Вернее, не совсем в том. Конечно, такие сомнительные обстоятельства нельзя полностью сбрасывать со счетов. Но в общем любые решения в той или иной степени вы-

нуждаются обстоятельствами. Поэтому рассматривать вопрос о возможности отмены какого бы то ни было правового акта можно только в том случае, если подписавший его человек или лица, законно представляющие его интересы, заявляют, что он вырван у него насильем.

В рассматриваемом случае, если бы Николай II не был казнён и правовой строй России был бы восстановлен, данная проблема в соответствии с принципом законности решалась бы так. Государь должен был либо подтвердить невозвратность своего отречения, либо заявить, что считает манифест вырванным силой.

Зная о характере, мировоззрении и глубокой честности Николая II, можно с высочайшей степенью уверенности предполагать, что он не стал бы отказываться от подписанного им акта, по крайней мере в отношении себя лично. Аналогично тому, как не мог помыслить отказаться от насильственного пострига в монахи его прародитель Филарет (Романов). Это события, конечно, разные, и различные исторические условия, но принцип отношения к свершившемуся по Божией воле или по Божию попущению – один.

Недействительным акт об отречении от престола Императора Николая II был по двум именно сугубо правовым, а не эмоциональным или идеологическим причинам.

1935 год. На башнях Московского Кремля двуглавых орлов меняют на звёзды.

Во-первых, он был недействителен изначально в той части, которая касалась прав святого Цесаревича Алексея Николаевича. Основные законы Российской Империи полностью исключают лишение члена Императорского Дома права престолонаследия, кроме случая, если он сам добровольно от них отречётся. Нельзя также «передвинуть» члена династии со строго определённого места в порядке престолонаследия. Алексей Николаевич в 1917 году был несовершеннолетним, поэтому самостоятельно отречься никак не мог, даже если бы хотел. Так что после отречения отца он, даже в случае принятия де-факто власти его дядей Михаилом Александровичем, оставался бы законным Императором и Главой Дома Романовых по крайней мере до 30 июля (ст. ст.) 1920 года, и только тогда, достигнув династического совершеннолетия (16 лет), смог бы либо начать самостоятельное правление без регентства, либо официально подтвердить, что он согласен с решением отца и тоже не собирается царствовать.

Во-вторых, и это самое главное, Российская Православная Самодержавная Монархия, в отличие от диктатур и тираний, была правовым государством. Император, разумеется, являлся носителем Верховной Власти и источником законов. Он мог их писать чем угодно: хоть чернилами, хоть на машинке, хоть краской, хоть карандашом, хоть золотом на мраморе, хоть мелом на асфальте, хоть гвоздём на заборе. Но они приобретали юридическую силу только в соответствии с юридической процедурой, после их опубликования в предписанной законом форме. До тех пор, пока официального обнародования правомочной инстанцией не состоялось, любой, даже уже подписанный, документ оставался бумагой с образом почерка Государя, не более.

Объявить о прекращении предыдущего царствования, независимо от причин прекращения (смерти или отречения), по закону мог только новый Император и только своим Манифестом о восшествии на престол. Поскольку революционерам удалось убедить Великого Князя Михаила Александровича отложить принятие верховной власти до решения Учредительного собрания об образе правления, то престол оказался вакантным, и ввели в действие акт об отречении 2 марта 1917 года, придать ему законную силу в правовом поле Российской Империи было просто некому.

Революция развивалась по своему страшному сценарию, и о восстановлении действия Основных законов или даже об издании новой их редакции уже не могло идти речи. **Провозглашение Временным правительством России республикой до решения Учредительного собрания и даже до его созыва стало грубейшим попранием не только конкретных законов, но самого принципа законности**, даже в его революционном понимании. Октябрьский переворот вообще положил начало попытке построения тоталитарной системы управления нового типа, основанной на полном разрыве со всей историей России и её правом. После расстрела в 1918 году Великого Князя Михаила Александровича, а затем Царской Семьи, все вопросы, связанные с законностью и действительностью акта об отречении Императора Николая II от 2 марта и акта об отречении принятия власти Великого Князя Михаила Александровича от 3 марта приобрели исключительно теоретический характер.

Но их законный преемник Государь Кирилл Владимирович относился к правовой стороне вопроса чрезвычайно внимательно. Убедившись, что все старшие в порядке престолонаследия казнены, он 31 августа 1924 года в своём манифесте засвидетельствовал факт кончины Императора Николая II, Цесаревича Алексея и Великого Князя Михаила и принял титул Императора в изгнании. Но и тогда он написал Вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне: «Если осуществится чудо, в которое Ты веришь, что возлюбленные Сыновья Твои и Внуки остались живы, то я первый и немедленно объявлю себя верноподданым моего Законного Государя и повергну всё мною содеянное к его стопам». То есть его приверженность принципу легитимизма была твёрдой и нерушимой.

И так будет всегда. **Если в России когда-либо сложатся условия для восстановления монархии, то это может произойти только на осно-**

ва законной наследственной преемственности – легитимизма. А если нет, то наша страна останется Республикой и Императорский Дом продолжит находиться в своём нынешнем статусе – исторической институции, обеспечивающей преемственность в Истории. Но идея и дело, за которые отдал свою жизнь святой Царь-Страстотерпец Николай II, в любом случае не умрёт.

«Господи, спаси Благочестивых и услыши ны»

– Какую роль в трагических событиях февраля 1917 года сыграло (а может быть, как раз наоборот – не сыграло) духовенство и иерархи Российской Православной Церкви?

– В тех событиях было много достойного сожаления и весьма болезненного для православного сознания. 19 февраля 1917 года, в Неделю Торжества Православия, во всех храмах Российской Империи провозглашалась анафема «помышляющим, яко Православные Государы возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания в них не избираются, и тако дерзающим противу их на бунт и измену». Но спустя всего одну неделю Святейший Правительствующий Синод не выступил в поддержку и защиту Православной Монархии и Государя во время начавшихся бунта и измены.

После получения известия об отречении Государя и об отложении принятия власти Великим Князем Михаилом Александровичем Синод выпустил обращение, в котором видно недвусмысленное сочувствие революции, ожидание от неё для России «счастья и славы».

Несмотря на то, что монархия ещё не была упразднена, Синод поспешил отменить все богослужебные прошения о Царственном Доме. Было установлено не просто моление о властях, а замена молитвы о «Благочестивейшем Благоверном Великом Государе Императоре» на молитву о «Благоверном Временном Правительстве». Не замечая абсурда, этому «Благоверному» правительству возглашали «Многая лета», забыв, что оно, вообще-то, даже само себя называет временным (то есть промежуточным, переходным), на место Помазанника Божия никоим образом поставлено быть не может и срок его деятельности никак не годится продлевать на «многая лета».

Не только безпринципные личности, вроде епископа Никона (Бессонова), вскоре сложившего с себя сан и отрекшегося от Православия, и будущих вождей «обновленчества», но и многие авторитетные и благочестивые иерархи поддались какому-то всеобщему угару. Будущий священномученик Митрополит Киевский Владимир, до революции писавший, что «священник – не монархист не достоин совершать Таинства у Престола Божия», лично помогал революционному обер-прокурору В. Львову выволакивать из зала заседаний Синода символический царский трон. И много ещё можно привести самых грустных примеров малодушия со стороны наших архипастырей и пастырей.

Всё это было. И усугубило несчастье, постигшее Россию. Но не будем спешить с осуждением, со злорадством, с сектантской гордыней. Вспомним, что не только земной царь, но и Небесный Царь в кри-

тическую минуту был брошен своими ближайшими учениками. У Спасителя было 12 Апостолов, и все они разбежались, Апостол Пётр ещё и трижды отрёкся от Него. Но Иуда среди них был всё-таки только один. И все они покаялись и исправились, опять же кроме Иуды.

Примерно аналогичная ситуация произошла и в России. И примерно такое же численное соотношение было продажных иуд и тех, кто искренно заблуждался, кто проявил минутную слабость, кто растерялся, испугался, оступился, но потом искупил этот грех мученичеством и исповедничеством за Христа.

Конечно, до революции разложение монархического сознания шло не только в светской, но и в церковной среде. Многие революционеры вышли из семинарской среды. И в наше время в среде духовенства встречается «февральский душок», пренебрежительное отношение к идеалу монархии, непонимание её Богоустановленности, неприязнь к Дому Романовых.

Но соборная позиция Церкви в отношении монархии в нынешних свободных условиях сформулирована удивительно гармонично. Церковь, провозглашая возможность сосуществования и сотрудничества с властью при любом государственном строе, тем не менее в Основах своей социальной концепции, принятой Архиерейским Собором 2000 года, ставит монархию в моральном отношении выше любых других устройств человеческого общежития. Выше монархии признаётся только Теократия, то есть Монархия Самого Бога.

Более того, в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви прямо цитируется 6-я новелла Императора Юстиниана, провозглашающая Богоустановленность не только Церкви, но и Царства: «Величайшие блага, дарованные людям вышею благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое заботится о божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих делах, а оба, **исходя из одного и того же источника**, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничто не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу».

Ещё ранее Священный Синод под председательством приснопамятного Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на своём заседании 4/17 июля 1997 года, в день годовщины расстрела Царской Семьи, восстановил провозглашение на Божественной Литургии упразднённого в 1917 году прошения «**Господи, спаси Благочестивых и услыши ны**», относящегося к благочестивым царям и царицам (*Журнал Московской Патриархии, 1997, № 8. – С. 14–16*). Это решение имеет великое духовное значение.

Святейший Патриарх Кирилл в программе «Слово пастыря» 9 марта 2013 года, отвечая на вопрос об отношении к празднованию 400-летия династии и к значению Великой Княгини Марии Владимировны и Великого Князя Георгия Михайловича, удивительно точно охарактеризовал неизменную миссию Дома Романовых и его законных Глав, присутствующую им независимо от политических перемен: «преемственность в Истории».

Священноначалие нашей Церкви, уважая и признавая существующую власть, исполняя действующее законодательство, сотрудничая со светским республиканским государством, в то же время, вопреки утверждениям некоторых внутренних и внешних сектантов, не отрекается от православного учения о Богоустановленности Царской власти. Не отрекается Церковь и от Дома Романовых, которому на Великом Соборе 1613 года наши предки поклялись в верности на Кресте и Евангелии в «роды и роды», до скончания века.

Важно хранить это сознание, поддерживать его и передавать следующим поколениям пастырей и мирян.

Сердце царёво – в руке Божией

– Какую роль в событиях переворота 1917 года сыграла личность Царя Николая? Его поступки были продиктованы силой или слабостью? Можете ли вы дать какое-то объяснение его действий? Возможны ли были другие варианты поведения Помазанника Божия?

17 июля 2003 года, в день 85-й годовщины расстрела Императора Николая II и его Семьи, на привокзальной площади Пскова Архиепископом Псковским и Великолукским Евсевием (ныне Митрополит) была освящена Царская часовня в честь Воскресения Христова. Именно здесь, на железнодорожном вокзале Пскова, произошло трагическое событие отречения святого Императора Николая II от престола.

– Изменить свершившееся невозможно. Но порассуждать о возможных альтернативах в поступках исторических деятелей позволительно. Ведь человеку дарована Богом свобода воли. Значит,

сколь бы ни были закономерны те или иные исторические процессы, субъективные решения личностей могли быть разными.

Теоретизируя, мы можем перебрать такие варианты: 1) Не покидая Ставку, обратиться к войскам, снять верные части с фронта и двинуться на Петроград для подавления бунта. 2) Попытаться покинуть страну без отречения, заявив тем самым, что не хочет гражданской войны, но и не признаёт законными новые власти (так, например, поступил итальянский король Умберто II в 1946 году). 3) Отказаться и от отречения, и от вооружённого сопротивления, и от бегства, надеясь, что народ сам поднимется на защиту монархии. В этом случае, скорее всего, через несколько дней в газетах было бы опубликовано сообщение, что Государь Император скончался от апоплексического удара... 4) Попытаться сохранить трон полной капитуляцией перед оппозицией, принятием всех её условий. 5) Попробовать совершить «альтернативную революцию сверху», перехватив инициативу у заговорщиков и даже у радикалов и заняв популистскую позицию «народного Царя», которого раньше обманывали «злые бояре», но теперь, когда они же его и предали, он прозрел и отдаёт всю землю крестьянам, заводы – рабочим, прекращает войну, дарит большую часть своих владений и денежных средств народу и строит с ним вместе монархический социализм.

Наверное, у кого-то рождаются и иные фантазии. Но, вернувшись на землю, мы поймём, что все эти варианты, хотя они и взяты из истории других стран и где-то в похожем виде даже срабатывали, – для России 1917 года выглядят один нереальнее другого.

Самый гипотетически осуществимый из них, конечно, первый вариант. Но здесь мы подходим к началу вашего вопроса. В Священном Писании не случайно сказано, что «сердце царёво – в руке Божией» (Притч. 21, 1). В сердце любого человека не проникнешь. Но мне представляется, что святой Царь-Мученик в марте 1917 года отказался от вооружённой борьбы за власть не по слабости или ошибке, а потому, что понял и почувствовал неотвратимость «времени разбрасывать камни». Он осознал, что, даже если ему удастся ценой кровопролития и на сей раз подавить мятеж, как в 1907 году, это не сможет восстановить в сердцах людей разрушенные идеалы Веры, Любви, Служения, Чести, Долга, не сможет угасить разбушевавшуюся ненависть, гордыню и тягу к разрушению. И он решил уйти, не проливая кровь подданных, предоставив свершиться тому, чему неминуемо должно свершиться, через что уже невозможно не пройти ради очищения и спасения в будущем.

Поэтому не стоит уподобляться неблагодарному разбойнику, поносившему Господа за то, что Он не хочет «сойти с Креста и спасти Себя и нас». Земной царь – не Бог, но его подвиг, как говорят в церковной среде, в чём-то христоподражателен. И мы многое можем понять, сопоставляя события Священной Истории с нашей историей и с нашим настоящим.

**«И мы, царские богомольцы,
Животворящий Крест целовали...»**

– Как соотносится обвал 1917 года с Соборной клятвой русского народа на верность Дому

Романовых 1613 года? Продолжается ли в настоящее время действие этой клятвы в судьбах страны и русского народа?

– Великий Собор 1613 года, восстановивший Православную Самодержавную Законную Монархию после катастрофы начала XVII века, является одним из ключевых событий в истории России и вообще Всероссийской цивилизации, наряду с самим основанием государственности в 862 году, Крещением Руси 988 года, освобождением от монгольской зависимости в 1480 году, преобразованиями Петра Великого, славным веком Екатерины Великой, победой над объединённой революционной Европой в 1812–1815 годах и победой над нацистским нашествием в 1945 году.

Собор 1613 года стал кульминацией национально-освободительной борьбы, великим подвигом веры, любви, смирения и надежды. Его решения предопределили будущее России как великой Державы, как Империи вселенского уровня и масштаба.

Но по какому-то фатальному и труднообъяснимому стечению обстоятельств этому славному событию уделялось гораздо меньше внимания, чем оно заслуживает.

Поразительно, но не только в либеральной среде, но и в государственной монархической идеологии самый важный в истории Собор обходился молчанием или упоминался вскользь.

При издании Полного собрания законов Российской Империи при Николае I было решено начать его с Соборного уложения Царя Алексея Михайловича 1649 года. Я восхищаюсь колоссальной работой блестящей плеяды специалистов, подготовивших это издание и потом на его основании создавших Свод законов Российской Империи. Но меня, без преувеличения, поражает и шокирует, что они фактически проигнорировали документ, лежащий в основе монархического строя и царствования Дома Романовых.

Неудивительно, что ещё до революции смысл и значение Собора 1613 года были основательно забыты. Во время празднования 300-летия Дома Романовых, конечно, появились публикации источников и глубокие научные исследования о Соборе. Но было уже поздно.

Даже в церковной среде сложилось совершенно превратное отношение к Собору и данному на нём религиозному обету верности. Это сыграло печальную роль и в марте 1917 года, и во время Поместного Собора 1917–1918 гг., и даже на Первом Зарубежном Соборе в Сремских Карловцах в 1921 году, где монархисты составляли большинство. Хотя группа, считавшая вопрос о монархии церковным, а вопрос о династии – лишь чисто политическим, оказалась в меньшинстве, это была влиятельная партия, и в дальнейшем она имела большое влияние на русскую эмиграцию.

И по сей день даже в некоторых официальных церковных документах проскальзывает мысль о том, что, дескать, Собор 1613 года был всего лишь «Земским», светским, поэтому его решения не имеют для Церкви канонического значения.

Это глубочайшая и очень опасная ошибка. При таком поверхностном подходе абсолютно не учитывается подлинная реальность. Обстоятельства

того времени трактуется с позиций мнений и учений, возникших гораздо позднее, причем в, мягко говоря, не православной и даже не христианской среде, а в умах агностиков и атеистов.

Следует отметить, что термин «Земский Собор» возник в научной литературе, и тоже значительно позднее эпохи самих Соборов. Государственная и церковная жизнь России XVI–XVII веков такого жёсткого разделения на церковное и светское не знала и не могла знать. Тогда были чисто церковные Соборы, рассматривавшие преимущественно религиозные и нравственные вопросы, и более широкие Соборы, в которых участвовал и церковный Собор как представительство Церкви.

В Московском Царстве, напомним, Церковь не была отделена от Государства. Царь и бояре имели авторитет и могли сказать своё слово на церковных Соборах, а церковные иерархи и представители духовенства принимали участие в обсуждении вопросов государственных. При этом в делах церковных приоритет в окончательных решениях сохранялся за Священноначалием, а в делах государственных – за Царём. Отдельные нарушения имели место, но они были исклечены из правил в этой симфонической системе.

Естественно, разные вопросы чисто мирского характера, не обладающие сакральностью, даже если в их обсуждении принимали участие представители духовенства, не приобретали канонического характера. Но они и не скреплялись торжественными религиозными обетами.

Собор 1613 года был действительно уникальным, так как ему предстояло решить вопрос о священной Богоустановленной Царской власти и о личности её законного носителя. Употребляя позднейшую терминологию, это был одновременно и Земский, и Поместный Церковный Собор. В нём приняли участие все Архиепие Русской Православной Церкви и настоятели крупнейших монастырей и соборных храмов России.

Собор созвали Козьма Минин и князь Дмитрий Пожарский – вожди Ополчения, освободившего и спасшего Отечество. Они могли захватить власть или хотя бы попытаться это сделать. Но ими было проявлено смирение и истинная любовь к народу.

Собор начался с всенародного поста в знак покаяния за преступления, совершённые в Смутное время. И в дальнейшем его заседания происходили в атмосфере высокого духовного подъёма.

Чрезмерно идеализировать Собор тоже нельзя. В нём выявились партии, начались споры и конфликты, разгорелись амбиции ряда видных политиков. Имели место попытки провести «выборы Царя» по польскому образцу, чтобы поставить царскую власть под контроль аристократии. Но победил принцип законности. Самодержавие было восстановлено, и на престол призван не очередной ловкий и говорливый «претендент», а *природный*, как тогда говорили, наследник угасшей Династии Рюриковичей Михаил Феодорович Романов. Ему было всего 16 лет, и никаких личных заслуг, за которые его могли бы «избрать» в современном смысле этого слова, у него не было.

Всем было понятно, что он не останется 16-летним юношей на всю жизнь, поэтому несостоятелен довод, что его будто бы «выбрали» за молодость и

неопытностью. Повторю, единственным основанием для призвания Михаила Романова было его родство по женской линии с последними Царями Дома Рюрика Иоанном Грозным и святым Феодором Иоанновичем. Но это основание было «железобетонным».

В лице Михаила Феодоровича призвали Дом Романовых. Царь был ещё не женат, но клятва верности принеслась ему, его будущей жене и детям, которых им Бог даст. Общий обет, закреплённый в Утверждённой грамоте Великого Собора, давался «в роды и роды», с наложением церковного проклятия и отлучения всем, «кто начнет глаголати ино и молву в людях чинити».

Добавлю, что и это решение Великого Собора 21 февраля 1613 года, помимо самостоятельной канонической значимости, получило ещё и дополнительное, уже полностью церковное закрепление на Освящённом Соборе.

Дело в том, что Собор-то решение принял, но ещё предстояло получить согласие самого Государя. Не буду долго рассказывать об этой процедуре. Скажу только, что царскую власть Михаил принял 14 марта в костромском Ипатьевском монастыре. Приял без восторга, а с великим трепетом, не как награду и счастье, а как долг и Крест. Но ведь мог и не принять.

Только после того, как соединились воедино Промысл Божий, законность, воля народа и воля законного Царя, 14 апреля 1613 года уже ЧИСТО ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР – *«митрополиты, архиепископы и епископы и весь освящённый собор совет благосоствориша»* и постановили: *«и мы, царские богомольцы, до данней нам благодати от святого и от животворящаго Духа, вас бояр, и весь царский синклит, и дворян, и приказных людей, и гостей, и всё христолюбивое воинство благословляем со всем освящённым собором на том: что вам великому государю нашему, Богом избранному и Богом возлюбленному, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всеа Русии самодержцу, и его благоверной царице и их царским детям, которых им, государем, вперёд Бог даст, служить верою и правдою, а зла некоторыми делы на них, государей наших, не думати и не мыслити, и не изменити им, государем, ни в чём, на чём им, государем, души свои дали, у пречистые Богородицы чудотворнаго Ея образа и у целбоносных гробов великих чудотворцов Петра и Олексея и Ионы животворящи крест целовали».*

Следует обратить внимание, что и в этом ЦЕРКОВНОМ акте речь идёт не только о Михаиле Феодоровиче (ещё не женатом), но и о его будущей супруге, и об их потомстве. Поэтому совершенно несостоятельны мнения некоторых исследователей и публицистов, что клятва Великого Собора 1613 года касается персонально Михаила Романова и в ней якобы нет обета верности его потомству. В лице Михаила были призваны на царство и следующие происходящие от него поколения, то есть в его лице – династия.

Существует мнение, выраженное историком В.О. Ключевским, что «новая династия была признана наследственной только в одном поколении: в 1613 году земля присягала Михаилу и его будущим детям – не далее». Это мнение, при всём почтении к Василию Осиповичу, представляется необоснованным.

Во-первых, это неверно с правовой точки зрения. Присягать ещё несуществующим лицам невозможно, и участники Собора не «присягали», а давали обет служить верой и правдой не только Михаилу, но и его наследникам.

Во-вторых, позиция, сформулированная Ключевским, основана на изъятии фразы из контекста. Не принимается во внимание, что завершительная запись Утверждённой грамоты Собора 1613 года гласит: *«Егда же написавше и совершихом сию утвержденную грамоту, и святителскими руками укрепльше и печатми своими утвердивше, вкупе и боярскими руками, и честных монастырей архимаритов, и игуменов, и соборных старцов и всего емясённого собора, непреложнаго ради и непреложнаго утверждения, тогда митрополиты, и архиепискупы, и епискупы с архимариты и с игумены, и с соборными старцы и со всем освящённым собором, и з бояры, и з дворяны и с приказными людьми, яко, да вкупе духовный совет сотворше, соборне изберут место и поведят вкупе, в нем же аще сохранны утвердивше положить сию утверждённую грамоту, да будет твёрдо и неразрушимо в предъидущая лета в роды и роды и не преидет ни едина чрпта, или [и]ота едина от написанных в неи ниче-соже (выделено мной – А.З.). И тако вси вкупе совещаешесе, и твёрдым согласиём Святаго Духа положиша ю в хранила царские к докончалным и утвержденным грамотам».*

То есть постановление Собора, по мысли его участников, должно было действовать не только в рамках жизни их поколения, но и в следующие годы («предъидущие лета») для всех следующих поколений («в роды и роды»), что, естественно, относится и к следующим поколениям Царской династии.

На нарушителей обета верности Дому Романовых Церковный Собор наложили проклятие: *«А кто убо и не похощет послушати сего соборного уложения, еоже Бог благоизволи; и начнёт глаголати ина, и молву в людях чинити, и таковой, аще от священных чину, и от бояр Царских сикглит и воинственных, или ин кто от простых людей, и в каком чину ни буди; по священным правилом святых апостол, и вселенских седми соборов святых отец и помесных, по соборному уложению всего освящённого собора чину своего извержен будет, и от церкви Божии отлучён и святых Христовых Таин приобщения; яко расколник церкви Божия и всего православного хрестьянства мятежник, и разорител закону Божию, а по царским законом месть восприимет; и нашего смирения и всего освящённого собора не буди на нём благословения отныне и до века; понеже не восхоте благословения и соборного уложения послушания, тем и удалися от него и облечеса в клятву».*

И вот теперь судите сами, как можно с духовной точки зрения относиться к нарушению обета верности Дому Романовых 1613 года и тем более к попыткам подвести под клятвopреступление идейную базу. Ясно, что ничего хорошего от этого ожидать изначально было невозможно.

Но, опять же, не будем спешить с осуждением и постараемся избежать мрачного сектантского фанатизма и фарисейства.

Обвинять народ – дело неразумное, несправедливое и неблагодарное. Вина основной части народа если и есть, то после вины всех его элит.

Утрата понимания духовного и канонического смысла Соборной клятвы 1613 года – это не столько вина, сколько беда. Как и вся революция, это прежде всего не преступление, а болезнь. И лечить её можно не обвиняя народ, а всегда помня слова святого Царя-Мученика Николая II: «Не зло победит зло, а только любовь».

«Делай что должно, и будь что будет»

– Что принёс стране отказ от Самодержавия?

– Самодержавие – это не название государственного строя, как некоторые ошибочно думают, а качество верховной власти. Это её суверенитет и независимость, осуществляемые в национальных интересах.

Любая верховная власть по своей природе самодержавна. Если верховной властью обладает монарх, то он самодержавен. Если верховной властью обладает какая-то группа, то самодержавна эта группа. И если верховной властью обладает народ, то самодержавен народ.

Беда только в том, что самодержавие народа на деле возможно лишь в маленьких государственных образованиях. В современных государствах демократия давно превратилась в фикцию, а на самом деле верховная власть принадлежит той или иной олигархии.

Хорошо ещё, если собственной, национальной олигархии, хотя бы в какой-то части своего сознания учитывающей национальные интересы родной страны.

Если вдуматься, то не случайно одним из основных лозунгов революции стали слова «Долой Самодержавие». Для многих, конечно, Самодержавие в просторечии было синонимом Царской Власти. Но в 1917 году произошло не просто свержение монархии, а действительно утрата суверенитета и независимости России.

При Временном правительстве Россия оказалась в зависимости от стран Антанты, которые уже не просили о помощи, как у Николая II, а властно отдавали распоряжения.

Большевики, победив в Гражданской войне, внешне добились независимости. Но независимости чего и от кого? Национальные интересы России были ими всегда приносимы в жертву идеологии интернационализма. Никакие тосты товарища Сталина на торжественных приёмах в Кремле, если и поверить, что они были субъективно искренними, этого положения не изменяли. Из исторического наследия Отечества большевики, даже несколько умерив прежний бешеный космополитизм и ненависть ко всему традиционному, брали очень малую часть. Только то, что им было выгодно, и в такой интерпретации, что национальные герои прошлого и их деяния уже были совершенно на себя не похожи, обезбожены и обезличены, перетолкованы и переименованы с точки зрения марксистского учения о классовой борьбе.

Наличие суверенитета СССР и даже его последующее доминирование над «социалистическим лагерем» и статус сверхдержавы не отменили положения России как только лишь плацдарма для реализации всемирной коммунистической утопии. Великорусская народность – самая большая часть русского народа – была лишена собственной

государственности. Термин «великоросс» и производные от него сохранились только в лингвистике для обозначения трёх основных диалектов русского языка – «северовеликорусский», «средневеликорусский» и «южновеликорусский». И даже сам русский язык стал официальным языком СССР лишь под самый конец его существования, на основании Закона СССР от 24 апреля 1990 года «О языках народов СССР».

После падения коммунистического режима и распада СССР к власти в России пришли прозападные силы. И вместо помпезно провозглашённого 12 июня 1990 года «национального суверенитета» России фактически мы оказались чуть ли не какой-то полуколонией, страной третьего мира.

Лишь с самого конца 1990-х годов обрезжили какие-то проблески движения к подлинному суверенитету в новых условиях. Большая заслуга в этом была у Е.М. Примакова. И только при Президенте В.В. Путине, который, к слову, стал первым верующим главой государства после революции, наконец внятно сформулировано, что мы понимаем под суверенитетом нашей страны.

Нужно отдавать себе отчёт, что восстановление монархии в любом случае дело не ближайшего будущего. Её крушение стало следствием многолетней разрушительной работы. Строить же – гораздо труднее и дольше, чем разрушать.

А Россия продолжает существовать, и её народ живёт и будет жить. Следовательно, нужно решать проблемы и защищать российские интересы постоянно, не ожидая наступления того, что нам представляется более правильным. Императорский Дом и здравомыслящие монархисты, не отрекаясь от своих убеждений, ценностей и чаяний, лояльны существующему строю и действующей власти, умеют видеть и ценить её успехи и достижения, не завидуют и не ревнуют.

Всему своё время, а времена и сроки знает только Господь. Монархия в 1917 году потерпела крушение, но, по нашему глубокому убеждению, **монархическая идея не может потерпеть крушение никогда. Это идеал Государства-Семьи, и он всегда останется в числе великих идей человечества.** А будет ли монархия востребована на государственном уровне – это в Промысле Божиим и воле народа. Династия Романовых и монархисты живут по принципу: «Делай что должно, и будь что будет». Они не ставят никаких условий и стараются быть полезными своей Родине при любом строе и режиме.

– Известны случаи, когда попранная политическими интриганами и смутой монархия была вскоре вновь восстановлена (пример – Испания в XX веке). Почему этого не произошло в России?

– В Испании в ходе Гражданской войны победили «белые». В отношении монархии у них тоже не всё было гладко. Среди испанских «белых» монархистов насчитывалось больше, чем в российском Белом движении. Но и там всё было не просто. Огромное влияние имела Фаланга, являющаяся организацией фашистского типа и относящаяся к монархии более чем прохладно.

Вождь испанского государства генералиссимус Ф. Франко не собирался возвращать на трон свер-

гнутого революцией 1931 года Альфонса XIII, хотя и агитировал к нему с почтением. Король так и умер в изгнании. А с новым Главой Королевского Дома, сыном Альфонса XIII, у Каудильо отношения вообще не сложились. Франко считал Дона Хуана либералом, осуждал его контакты с оппозицией и полагал, что он не способен управлять страной ни при каких обстоятельствах.

Но при всём этом Франко был мудрым человеком, искренно верующим христианином и патриотом. Он понимал, что период диктатуры неизбежно заканчивается с уходом или смертью сильной личности. И только наследственная монархия обеспечивает подлинную стабильность и преемственность, предохраняет государство от «эффекта маятника», когда после исчезновения или ослабления «твёрдой руки» страну отбрасывает в хаос и анархию.

Поэтому он не поддался соблазну сфальсифицировать итоги референдума 1947 года, когда большинство испанцев высказалось за восстановление монархии.

Правда, он не передал власть Дону Хуану и тогда. Но также не пошёл и по пути нарушения легитимной династической наследственности. Несмотря на свою неприязнь к Главе Дома Испанских Бурбонов, он вёл с ним сложные переговоры и достиг соглашения, в результате которого сын Дона Хуана молодой Принц Хуан Карлос приехал на Родину, прошёл подготовку и в 1975 году, после кончины Каудильо, принял власть как Король. Хотя Дон Хуан был жив, отрёкся от своих прав на престол в пользу сына только в 1977 году, а скончался уже в 1993 году. То есть некоторое отступление от строгой легитимности на тот момент произошло из-за политических разногласий Ф. Франко и Дона Хуана. Но общий законный порядок наследования был соблюден, а потом и вовсе урегулирован правовым образом внутри династии.

Рассуждая теоретически, сходным образом могло случиться и в России. Например, если бы в 1917 году Великий Князь Михаил Александрович принял власть и удержал её, а в 1920 году Цесаревич Алексей Николаевич подтвердил отказ от прав на престол, то Михаил II царствовал бы уже вполне легитимно. Но это чистой воды теория. Солагательное наклонения, как мы оба отметили в начале нашей беседы, История не знает.

Возвращаясь к вопросу о возможности реставрации монархии в СССР, надо ли говорить, что ничего близко похожего на испанский вариант ни в 1920-е, ни в последующие годы коммунистического режима произойти не могло. Немыслимо было не только думать о восстановлении монархии, но даже просто о посещении Главой Императорского Дома своей Родины. Ничего, кроме насильственной смерти, его здесь не ожидало, даже если предположить такую невероятную вещь, что он заявил бы о своей полной лояльности коммунистическому режиму. Судьба видных деятелей русской эмиграции, попытавшихся «играть со зверем», – красноречивое тому свидетельство.

Да что там 1920-е годы... Даже в 1991 году, уже после августовских событий и утраты КПСС своей главенствующей роли, во время подготовки первого визита Великого Князя Владимира

Кирилловича на Родину, доживающий последние дни режим СССР отталкивал руку, без всяких условий протягиваемую своим соотечественникам Главой Дома Романовых. Один советник писал Президенту СССР М.С. Горбачеву, как уйти от решения вопроса, если Великий Князь «попросит дать ему гражданство». «Великому князю сообщить, – пишет, в числе прочего, этот советник Горбачёву, – что, к сожалению, встретиться с ним в настоящее время не представляется возможным. Если он захочет приехать в Москву как частное лицо – закрыть [на это] глаза». На фоне величия восстановления преемственности эпох эти суетливые телодвижения выглядят мелко, неразумно. Но они показывают, что, к сожалению, власть, порождённая революцией, так и осталась до конца враждебной истории своей страны.

Великий пост – время покаяния

– Этот вопрос к вам не только как к историку, но и как к монархисту, директору Канцелярии Российского Императорского Дома. Как должен, на ваш взгляд, Православный человек относиться к этой дате – столетию крушения Монархии? Как должны мы провести эти дни Великого поста, когда 100 лет назад произошла гибель Российской Империи?

– Независимо от скорбных или радостных дат и юбилеев православным подобает стремиться провести Великий пост в особых молитве и самоограничении, в сосредоточении на духовной стороне жизни и в покаянии о совершённых грехах.

Встреча с патриархом Кириллом

Если всё же рассуждать о чувствах, которые навеивает 100-летие революции, то, наверное, из всего перечисленного следует особенно отнестись к покаянию. Не только церковного Таинства покаяния, необходимого в жизни каждого православного христианина, но и покаяния в более широком смысле, как процесса осознания и признания ошибочности некоего неверного пути, сожаления о совершённых на этом пути преступлениях и грехах и поиска способов и средств исправления.

В отличие от исключительно личного Таинства покаяния, покаяние в значении процесса переосмысления прошлого может быть коллективным и даже всенародным и распространяться не только на непосредственных совершителей несправедливых дел, но и на их умерших предков и предшественников.

Это, разумеется, касается не только послереволюционного периода, но и любой эпохи.

В этом смысле говорит о покаянии «за других» Государыня Великая Княгиня Мария Владимировна, признающая преемственность не только в славе предков, но и в ответственности за их грехи: «За три века правления Дома Романовых в России было много успехов, достижений и побед. Мы вправе с честью вспоминать вклад нашей Династии в историю Родины. Было также много серьёзных ошибок, досадных просчётов и тяжких грехов. В них мы каемся перед Богом и просим прощения у Народа за себя и за своих предков».

Говоря о покаянии, важно помнить также и слова Государыни о том, что нельзя требовать покаяния от других, тем более перед собой, но можно и нужно подавать людям пример собственным покаянием. И не забывать, что к окружающим следует относиться с любовью и терпением, сознавая, что и мы сами грешны, уметь не только прощать, но и просить прощения, и видя в грехах других не столько преступление, сколько недуг.

Если мы постараемся следовать церковным правилам, наставлениям Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Священноначалия Русской Православной Церкви и мыслям, высказываемым законными Государями Дома Романовых, то Великий пост 2017 года и все последующие посты для нас пройдут не напрасно.

Великий князь Георгий Михайлович с Государыней